

Он мог сопротивляться страху в «море сознания» Цай Миньюэ, но ненормальность самого «моря» продолжала терзать его, словно огромный колокол, который, даже перестав звонить, всё ещё продолжал вибрировать, и звуковые волны всё ещё распространялись.

Цинь Гэ хотел выпустить своего кролика, но в дрожащей ладони была лишь белая дымка, не способная принять форму.

Медоуказчик влетел в приоткрытую дверь машины, ласково прижался к его плечу, потерся о его ухо и тихо защёбетал.

Янь Хун с беспокойством спросил:

— Он только что патрулировал «море сознания» директора Цай?

— Да, он сказал, что погрузится глубоко, а потом стал таким, — ответил Се Цзыцзин. — Все ментальные регуляторы так тяжело переносят глубокое погружение?

— Я знаю только его одного, так что не уверен, — напомнил Янь Хун. — Сейчас я не могу уйти, вы должны остаться с ним, негативные последствия слишком сильны.

Бай Сяюань, открывшая дверь водительского сиденья, не удержалась и обернулась:

— Почему у Цинь Гэ такая реакция? Это состояние похоже на «цунами».

«Цунами» — это крайне негативная реакция, которая возникает только в «море сознания» Стражей, особенно при выполнении сложных задач, связанных с этическими дилеммами, когда у Стражей появляются сильные эмоциональные волны.

Но никогда раньше такое не случалось с Проводниками.

Янь Хун, услышав это, удивился:

— Вы не знаете, почему Цинь Гэ стал ментальным регулятором?

Трое из Отдела регулирования переглянулись:

— Какая причина?

— Цинь Гэ может поглощать негативные эмоции из ненормального «моря сознания», — сквозь окно машины Янь Хун смотрел на Цинь Гэ. — Когда он патрулирует нормальное «море сознания», проблем не возникает, но если он погружается в ненормальное, он автоматически

начинает поглощать все... странные вещи. После патрулирования «море сознания» человека успокаивается, но Цинь Гэ становится очень плохо.

Се Цзыцзин наконец понял, почему Цинь Гэ сказал Цай Миньюэ, что она сможет спокойно спать.

— Это самая уникальная способность Цинь Гэ, и он не может её контролировать, — взгляд Янь Хуна скользнул по лицам троих. — Следующие 24 часа очень важны. Я не могу уйти, вы должны позаботиться о нём, больше разговаривайте с ним, не оставляйте одного.

По пути домой Цинь Гэ ненадолго заснул, опираясь на Се Цзыцзина.

Сон был беспокойным, он постоянно потел, крепко сжимая руки. Тан Цо выпустил свою панду, чтобы она прижалась к Цинь Гэ. Эта наивная духовная сущность, казалось, тоже почувствовала его дискомфорт, тихо обняла его ногу, словно ствол дерева.

Проводники действительно могут облегчать негативные эмоции, но ни Янь Хун, ни Тан Цо не могли ему помочь.

Се Цзыцзин поддерживал тело Цинь Гэ, кратко рассказав Бай Сяюань и Тан Цо о его планах и о том, что произошло с Цай Миньюэ.

Тан Цо был в шоке:

— ...Это ужасно! Как это можно скрыть! Цай И сошёл с ума!

Бай Сяюань была гораздо спокойнее:

— Цинь Гэ быстро соображает, иначе мы бы действительно попались на уловку Цай И. Се Цзыцзин, ты умеешь писать такие отчёты?

— Честно говоря, не очень, — признался Се Цзыцзин. — Научи меня. Нам нужно действовать быстро, чтобы у Цай И не было времени опомниться.

Бай Сяюань посмотрела на него через зеркало заднего вида:

— Ты займись Цинь Гэ, я напишу отчёт.

После того как они доставили Цинь Гэ домой, Бай Сяюань и Тан Цо решили вернуться в Кризисное бюро.

— Тан Цо, вернись в архив и найди документы о событиях в 267-й больнице за последние тридцать лет, а я узнаю кое-что ещё, — Бай Сяюань высунулась из окна, обращаясь к Се Цзыцзину. — Увидимся вечером.

Цинь Гэ, узнав, что они собираются остаться с ним, поспешно замахал руками:

— Не надо...

Се Цзыцзин заставил его замолчать, сообщил Бай и Тан адрес Цинь Гэ и сразу же помог ему войти в лифт.

Вернувшись в знакомое пространство, Цинь Гэ на мгновение расслабился, но затем снова начал дрожать. Он не решался вернуться в комнату, свернулся на диване, держа в руках чашку горячей воды, и сжался, глядя на вид за окном.

Он понимал, что его поле зрения сужается, вся комната словно вращалась и колебалась. Тошнота усиливалась, но желудок был пуст, и он скручивался от боли. Кровь словно выкачали, он чувствовал только холод, который становился всё сильнее.

Кролик всё ещё не мог принять форму, и Цинь Гэ скучал по тому маленькому огоньку, что обычно лежал у него на груди.

— Холодно... — пробормотал он.

Но температура в комнате уже поднялась до 25 градусов, Се Цзыцзин укрыл его одеялом, вытирая холодный пот со лба.

— А где кролик? — мягко спросил он. — Пусть будет с тобой.

— ...Не могу... Он не выходит, — почему-то, произнося это, Цинь Гэ вдруг захотел плакать. Острое чувство потери и депрессии сразу же вызвало мысль: он наверняка потерял своего кролика... Это «море сознания» было настолько ненормальным, что, возможно, его кролика больше нет.

Это возможно... он смутно подумал, что в худшие времена с человеком всегда случаются худшие вещи.

— А тебе нравится панда? Или маленький барханный кот? — Се Цзыцзин погладил волосы Цинь Гэ, сел рядом, стараясь быть как можно ближе к его голове, и сказал:

— Они скоро придут, и тогда смогут быть с тобой.

Цинь Гэ вдруг вспомнил о духовной сущности Се Цзыцзина.

— А твой лев?

— ...Он слишком большой и свирепый, — Се Цзыцзин подумал, что он забыл очевидное. — И духовная сущность Стража не может тебя утешить.

— Я не боюсь, — Цинь Гэ посмотрел на него. — Я хочу его увидеть.

Он говорил, что ему холодно, но пот уже стекал по его подбородку, глаза были красными, словно мокрый, беспомощный кролик. Се Цзыцзин в этот момент не мог отказать Цинь Гэ ни в чём.

Он грубо потрепал его волосы:

— Если испугаешься, обними меня.

Густой туман поднялся с тела Се Цзыцзина, закружился в этом небольшом пространстве и наконец опустился на другую сторону дивана, рядом с Цинь Гэ.

Цинь Гэ широко раскрыл глаза, инстинктивно прикрыв нос. Возможно, из-за слабости, а возможно, из-за силы Се Цзыцзина, он вдруг почувствовал странный запах феромонов, сухой и грубый, словно горячий ветер из раскалённой пустыни, исходящий от единственного Стража в комнате.

Туман наконец принял форму огромного существа, и перед Цинь Гэ появился представитель семейства кошачьих, чуть больше обычного льва.

У него были золотистые глаза, зрачки окружены тёмно-красным ободком, а взгляд, направленный на добычу, был мрачным и свирепым.

Теперь он повернул голову, осматривая Цинь Гэ с ног до головы.

Се Цзыцзин немного смутился:

— Он... не очень вежлив.

Цинь Гэ больше не чувствовал запаха феромонов Се Цзыцзина, что немного успокоило его, и он протянул руку ко льву.

Через мгновение лев потряс гривой, поднял лапу и аккуратно положил её в ладонь Цинь Гэ.

Лапа льва была слегка тёплой, подушечки плотными, когти спрятаны, и Цинь Гэ почувствовал, что держит в руке лапу огромного кота.

Он был удивлён и озадачен: такой послушный?

Подняв голову, он увидел, что лев тоже рассматривает его, его золотистые глаза, словно прозрачный жёлтый нефрит, но зрачки в центре были тёмно-красными, непохожими на обычных львов. Его глаза были прекрасны, тело прекрасно, даже густая и мягкая грива на шее была красивой.

— Это берберийский лев, — объяснил Се Цзыцзин. — Когда я был маленьким, я ездил с родителями в Африку по работе и однажды видел его в цирке. Но теперь в дикой природе их уже не встретишь.

— Они вымерли? — спросил Цинь Гэ.

— В дикой природе, — ответил Се Цзыцзин. — Но в неволе ещё есть несколько, не много.

Он говорил, не переставая играть с волосами Цинь Гэ. Его движения и сила нажатия напомнили Цинь Гэ о человеке, который гладил его во сне. Он почувствовал, что дискомфорт уменьшился, и у него появилось больше сил, чтобы говорить с Се Цзыцзином.

— Может, они просто не хотят, чтобы их находили люди, — он смотрел на уши и гриву берберийского льва, на плавные линии его спины и хвост, лежащий на полу. — Так они смогут свободно бегать там, где мы их не видим.

После этих слов он услышал, как Се Цзыцзин засмеялся за его спиной.

Цинь Гэ почувствовал неловкость:

— Чему ты смеёшься?

<http://bllate.org/book/15560/1384487>